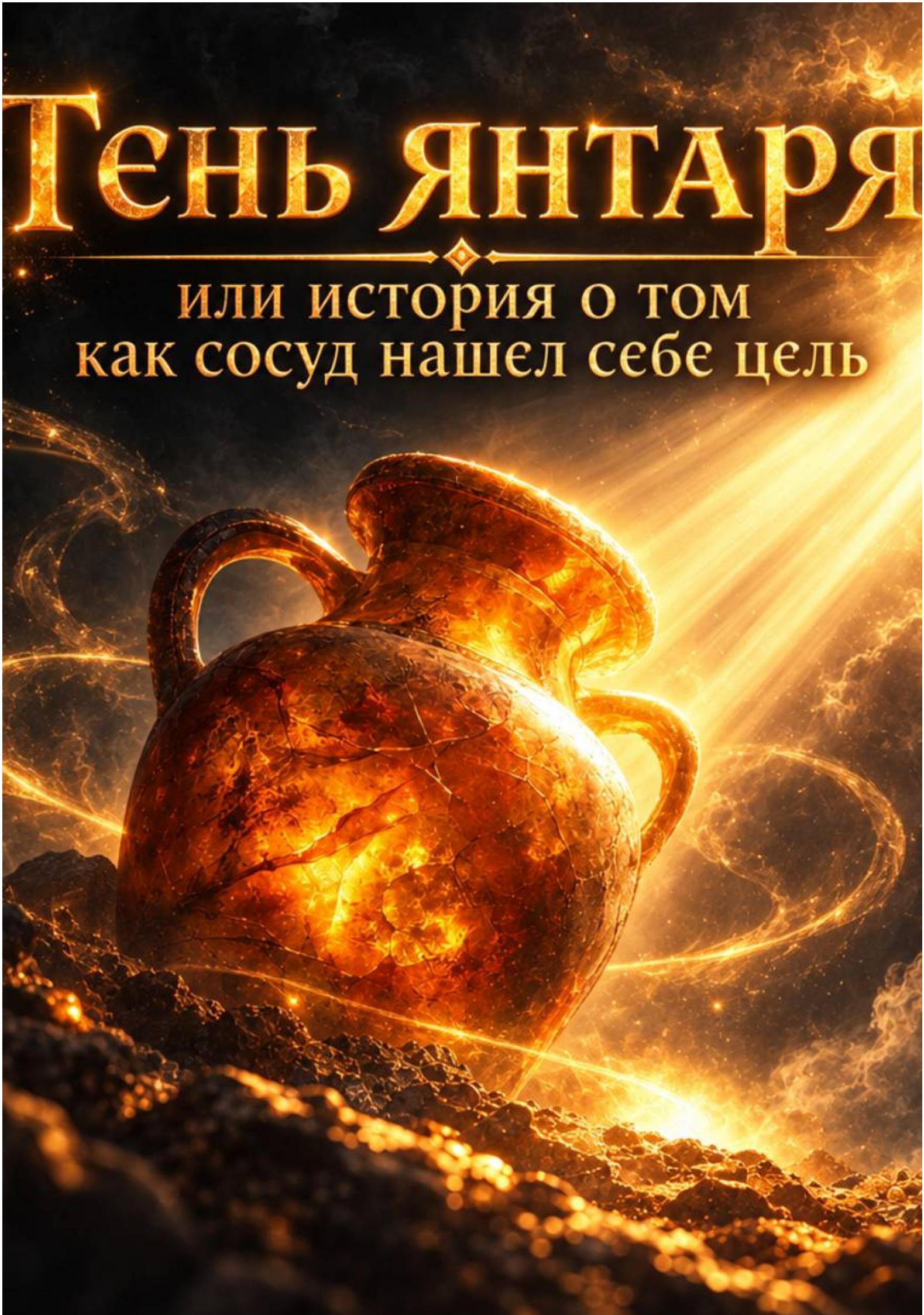
Тень Янтаря

или история о том как сосуд нашел себе цель



Андрей Позднеев

ТЕНЬ ЯНТАРЯ

«Автор»
2026

Позднеев А.

ТЕНЬ ЯНТАРЯ / А. Позднеев — «Автор», 2026

Самобытная концепция магии Увядания и янтарной энергии Воли, разумные реликвии, пугающие метаморфозы плоти и ощущение надвигающегося рока создают плотный, захватывающий дух тёмного фэнтези, который держит в напряжении до самой последней строчки.

© Позднеев А., 2026
© Автор, 2026

Андрей Позднеев
ТЕНЬ ЯНТАРЯ

ТЕНЬ ЯНТАРЯ
ИЛИ ИСТОРИЯ О ТОМ, КАК СОСУД НАШЁЛ СЕБЕ ЦЕЛЬ
АКТ 1. КОРУМ

Тьма была повсюду. Именно её я увидел первой. Она окружала со всех сторон — ни единого луча света. Но потом свет всё-таки появился. Он ослепил меня, яркий и резкий, — это и стало моим первым осознанным впечатлением.

А затем я заметил рядом с собой ещё одного. Точно такого же, как я, но без рта и совершенно разбитого — всё его тело покрывали глубокие трещины. Чуть дальше лежал ещё один, а за ним... целая гора таких же изъеденных изъянами фигур. Без рта. Без жизни.

Я медленно поднялся на ноги.

Напротив меня стоял Он.

Это был высокий, величественный мужчина в круглой шляпе и ниспадающем оранжевом одеянии. В его облике ощущалось незыблемое, древнее спокойствие. Он молча всматривался в меня своим глубоким взглядом, в котором не было ни шока, ни растерянности — лишь тихая, вековая мудрость и тёплый свет.

Это был мой Создатель. А все те безжизненные тела вокруг — его прошлые, неудачные попытки.

— Кто я?.. Где я?.. Кто ты?.. — ровно и абсолютно без эмоций спросил я.

Создатель не вздрогнул. На его губах появилась лишь лёгкая, умиротворённая улыбка. Сделав размеренный шаг ко мне, он мягко произнёс:

— Ты моё дитя. Мой сын.

— Сын?.. — безэмоционально переспросил я, пробуя незнакомое слово. — Так меня зовут?

— Сын — это тот, кого ты будешь любить и принимать, каким бы он ни был, — мягко пояснил Творец. Я молча переваривал его слова. Дитя, которое любят...

— Но у тебя должно быть собственное имя, — продолжил Отец, всматриваясь в моё застывшее лицо.

Он медленно протянул руку и кончиками пальцев коснулся моего лба.

— Сила, что течёт в тебе, однажды изменит этот мир. Отныне твоё имя — Корум.

— Корум, — повторил я новые звуки. Это имя отозвалось внутри меня совершенной пустотой. — Я — Корум.

Шли дни. Создатель продолжал творить: он пытался создать существ, похожих на меня, но уже со ртами и странной шевелюрой на голове, которую назвал «волосами». Странное слово, подумал я. И для чего они нужны?

Однако первые попытки выходили неудачными. Отец мог сотворить из камня и света всё что угодно, но одушевить плоть давалось ему с трудом. Он долго изменял формы, добавлял черты, убирал лишнее. Сначала рисовал образ на тонком белом листе — так он называл бумагу, — а после брал заготовку и в точности повторял набросок.

Так он создал его. Моего брата.Создатель нарёк его Мельниром. «Его лучшее творение», — мысленно заключил

я, разглядывая новорождённого. Мельнир владел той же созидательной силой, что и Отец, хотя поначалу и был значительно слабее. Однако с каждым днём он развивался, впитывал знания и становился только сильнее.

Мы часто сидели рядом с Отцом, наблюдая, как из-под его рук рождается что-то небывалое. Так на свет появились хрупкие, диковинные создания — «птицы». На вид они казались куда слабее любого из нас.

— Для чего они? — тихо спросил я.

— Они нужны, чтобы наполнять мир движением и жизнью, — ответил Отец, не замедляя плавных движений рук. — И они красиво поют... Правда, пока далеко не все.

Мельнир удивлённо перевёл взгляд с трепещущих созданий на Отца. Тот лишь сдержанно улыбнулся:

— Изначальное сотворение — это лишь первый шаг, — неторопливо произнёс Отец, глядя на трепещущие крылья в своих ладонях. — Жизнь многогранна. Существа развиваются, меняются и приспосабливаются. Наступит день, когда некоторые из них научатся жить даже без крыльев.

Отец ненадолго умолк. Оранжевые искры его первородной магии мягко влились в грудь птицы и растворились в воздухе.

— Запомните, сыновья мои... — весомо промолвил Он, окинув нас внимательным взглядом. — В каждое существо, в каждый будущий народ и в каждого перворождённого Мастера я вкладываю частицу собственной бессмертной силы и воли. Эта искра не застывает на месте. Если существо искренне борется, закаляет свой дух, превосходит пределы и растёт над собой день ото дня... вложенная сила разгорается ярче. Настанет час, когда смертное создание разовьёт эту искру до таких высот, что его мощи хватит превзойти каждого из вас.

Я на мгновение нахмурился, глядя на крошечную птицу и не понимая, в чём смысл создавать тех, кто однажды способен превзойти своих создателей.

— Но в чём их долг? Какова их цель? — не удержался я.

Отец повернул голову и посмотрел на меня долгим, проницательным взглядом. В уголках его глаз залегла едва уловимая тёплая улыбка.

— Жить, Корум. Просто жить и становиться сильнее.

Я запомнил эти слова навсегда. Но тогда в моей пустой голове крутился лишь один безответный вопрос: «А как это — жить?»

В один из дней Отец подозвал нас к себе, и мы послушно подошли. Он размеренно объяснял устройство только что выращенных исполинских деревьев, как вдруг Мельнир перебил его, указав на ствол:

— Что это, Отец?

По тёмной коре медленно стекала густая, тягучая оранжевая влага, вбирая в себя тёплые лучи света.

— Это явление ещё только обретает своё имя, — ровно произнёс Отец, вглядываясь в светящуюся каплю.

Я присмотрелся к коре и заметил:

— Это произошло после твоих прикосновений. Ты коснулся древесины, и прямо из-под твоих пальцев проступил этот сок.Отец медленно перевёл на меня спокойный взгляд, а затем посмотрел на

собственную ладонь. В его глазах промелькнуло одобрение — он проверял, насколько мы чутки к таинствам творения.

— Всякое действие созидания оставляет след, — мягко ответил он и бережно поддел светящуюся каплю пальцем.

На воздухе смола быстро густела, застывая и превращаясь в чистый, твёрдый кристалл, удерживающий внутри тепло его силы. Отец поднял получившийся

камень к солнцу.

— Застывший свет... Пусть отныне он зовётся Янтарём.

— Янтарь... — эхом отозвался Мельнир, заворожённо глядя на грани камня. В его ладонях затеплились слабые оранжевые искры, тут же отразившиеся в кристалле. — Красивое слово.

В те дни Фархолт всё ещё оставался безмолвным и диким, а мы с Мельниром были совсем юными.

Однажды Отец вернулся из глубокого похода в самые недра земли. В его руках покоился невероятный кристалл, ровно пылающий изнутри плотным золотым огнём. Это было первозданное сердце Фархолта, вобравшее в себя всю созидательную мощь этих просторов.

Мы замерли у входа в мастерскую, боясь шелохнуться. На наших глазах Творец прижал кристалл к груди и вложил в него свою волю — суть своей магии, свои законы и предначертание будущего мира. Камень вспыхнул ослепительно ярко, на миг залив комнату чистым светом.

А затем началась великая ковка.

Отец опустил раскалённую заготовку на массивную наковальню. Каждый удар его тяжелого молота отдавался по горам громовым раскатом, выбивая каскады янтарных искр. Он ковал не просто клинок — он придавал форму закону бытия. Металл послушно уступал его воле, вытягиваясь в грозное, совершенное лезвие.

Мы с Мельниром переглянулись. Брат не выдержал первым. Сгорая от любопытства, он подбежал ближе к наковальне, заслоняясь ладонью от жара:

— Отец! Зачем ты делаешь его? Для чего тебе такое грозное оружие, если в этом мире нет никого, кроме нас? Против кого ты обнажишь этот клинок?

Отец на миг остановил руку. По его лицу стекал пот, но янтарный взгляд оставался мягким и безмятежным.

— Этот меч, мой мальчик, нужен не для того, чтобы отнимать жизнь, — ответил он, оглядывая безупречные спуски лезвия. — Я кую Симзар. Так я нарёк его. Он станет ключом к миропорядку. Настанет день, когда с его помощью я разделю эти бескрайние земли, чтобы вдохнуть в них настоящую жизнь. Без него мир навсегда останется единой, застывшей глыбой.

— Разделишь?.. — раздался мой голос из полумрака мастерской.

В моей голове родился иной вопрос — холодный, лишенный эмоций, но бивший в самую суть:

— А если ты разделишь землю... не разделит ли это и нас? Мы останемся вместе, Отец?

Молот в руках Творца замер окончательно. Отец медленно повернулся и посмотрел на меня своим глубоким, всевидящим взглядом. В глубине его глаз промелькнула вековая печаль — будто уже тогда он ясно видел всё, чему лишь предстояло случиться спустя эпохи. Но его лицо сохранило незыблемое спокойствие древней скалы.— Вы всегда будете моей семьёй, Корум, — весомо и негромко произнёс он, и в этих словах прозвучала непоколебимая истина. — Узы, связывающие нас, глубже любых земных разломов.

Он вновь перевёл взгляд на ослепительную полосу раскалённого металла.

— А теперь ступайте. Мне нужно завершить Симзар. Ему ещё предстоит принять остаток моей силы и пройти закалку.

Мы молча вышли, оставив Отца наедине с его великим трудом. А из глубин мастерской ещё очень долго — до самого наступления густых ночных сумерек —

разносился мерный, гулкий звон священного металла.

АКТ 2
ВОСЕМЬ СТОРОН СВЕТА

Мельнир казался мне существом любопытным, но предсказуемым. Поначалу он хранил глухую тишину, и каждое его движение читалось без труда. Однако со временем в нём стал проступать характер. С каждым новым днём он неуловимо менялся. Хороший ли это знак? Для Отца — вне всяких сомнений. Для меня же... судить было трудно.

В один из дней Мельнир, радостно подпрыгивая, подлетел к Отцу.

— Отец! Отец! У меня получилось! — Творец слушал его с неизменным вниманием. — Я создал что-то!

«Что-то? Интересно, что же он сотворил, если сам толком не понимает?» — промелькнуло у меня в мыслях.После этого он повел Отца прочь от место работы отца. Я пошел за ними и увидел у Мельнира в руках странное существо: оно было свернуто в комок, а лицо скрыто.

— Сейчас, сейчас! — сказал Мельнир и опустил его на землю.

Он отступил. Оказалось, на существе был панцирь, а само оно было крохотных размеров — ровно с кулак. Высунулась крохотная голова и мощные лапы размером с палец. Двигалось оно крайне медленно. Очень. Мельнир, видимо, был удивлен его скоростью.

— Я думал, он будет быстрее, когда создавал его, — произнес он Отцу.

— Ничего, Мельнир, — ответил Отец. — Это лишь первое и удивительное существо. Этот панцирь на нем крайне удивляет; пусть скорость мала, но кто сказал, что он должен быть быстрым? Думаю, так даже лучше.

Мельнир чуть приободрился.Отец посмотрел на светящийся диск в небе, который называл «солнцем».

— Пришло время для нашего разговора, Корум, — произнёс он и поднялся, чтобы идти.

Но Мельнир резко перегородил ему путь:

— Стой! Почему ты уходишь?

Отец спокойно ответил:

— Каждый раз, когда солнце заходит за горизонт, мы с Корумом садимся вместе, и я отвечаю на все вопросы, что его интересуют.

Мельнир мгновенно изменился в лице.

— А как же я? А моё творение? Какое имя мы ему дадим? Посиди со мной, давай подумаем вместе! — вызвался он.

Отец мягко улыбнулся:

— Обязательно. Это не займёт много времени. Вскоре я вернусь, и мы вместе придумаем ему имя.

Мельнир молча кивнул. Но когда Отец развернулся и мы пошли прочь, брат уставился мне вслед. В его взгляде проскользнуло что-то тёмное. Гнев? Презрение? Что-то из этого определённо затаилось в его глазах.Прошло немало времени, и Отец был чем-то сильно занят. Внезапно меня подозвал Мельнир. Для него это было крайне нехарактерно: после того дня он смотрел на меня исключительно с затаённой злобой. Но сейчас в его глазах читалось что-то иное. Весёлое? Спокойное? В общем, то самое выражение, какое было у него до того памятного дня.

— Что такое? — спросил я.

— Хочешь, я покажу тебе одно место, Корум? — с весёлой улыбкой предложил Мельнир.

Мне было всё равно, но из чистого любопытства — всё-таки узнать, что это за место, — я согласился.Мы ушли довольно далеко от Отца и в конце концов углубились в лес. Там Мельнир остановился и огляделся по сторонам.

— И что это за место? — спросил я.

Вместо ответа Мельнир резко толкнул меня в спину. От неожиданности я не удержался на ногах и упал, но тут же перевернулся и посмотрел на него. К нему вернулся тот самый взгляд — налитый слепой ненавистью.

— Решил, раз ты такой «особенный», то тебе можно забирать всё внимание Отца?! — выплюнул Мельнир, мгновенно срываясь на ярость.

«Он готовился к этому», — отстранённо подумал я.Мельнир продолжал, срываясь на крик:

— Ты ничего не сделал, чтобы заслужить его любовь! А я создал хоть что-то, в отличие от тебя! Но при этом он хочет проводить время с тобой, а не со мной!

Я попытался хоть что-то возразить:

— Послушай, Мельнир, я...

Но он не давал мне говорить. В конце концов я поднялся на ноги и спокойным жестом остановил его:

— Я не пытался забрать внимание Создателя. Он создал меня, и он сам решает, с кем проводить время. Я не обладаю такой же магией, как ты, и просто хочу понять этот мир. Отец любит и тебя, и меня. Он любит нас одинаково.

Мельнир и слушать этого не хотел. Пытаясь заставить меня замолчать, он неожиданно схватил меня за руку.

И произошло нечто странное. Волна резкой, чужеродной боли пронзила тело — словно в меня силой вогнали что-то инородное. Но эта магия... она была совсем другой. Пугающей даже для меня, для того, кто всегда был пуст.Я оттолкнул его. Эта боль меня напугала. И самое страшное — Мельнир это понял. Он смотрел на меня как хищник, увидевший раненую добычу, осознав, что может причинять мне боль. Он с размаху прыгнул на меня, и я оказался на земле. Занеся руку, он прорычал:

— Если ты расскажешь всё Отцу, клянусь, я буду делать так с тобой хоть весь день! И никто тебя не спасет!

Я молча кивнул. Никогда не думал, что способен испытывать страх. И как вообще можно бояться, если внутри пусто? Но даже эта странная магия ввергала меня в ужас.Мы вернулись к Отцу. Он ждал нас.

— Где вы были? И, Корум… — обратился он ко мне, нахмурившись, — что за рана у тебя на руке?

На том месте, где Мельнир применил свою магию, кожа покрылась грубой каменной коркой. Я уже хотел ответить, но Мельнир тут же перебил меня:

— Отец! Бедный Корум! Мы бегали по лесу, и он случайно задел о какое-то острое растение. Возможно, о то, что ты недавно создал, или просто дикая природа…

Отец помрачнел, погрузившись в тяжёлые раздумья:

— Да, действительно… Прости, Корум, возможно, в этом есть и моя вина. Я обещаю, такого больше не повторится.

Мельнир подошёл и обнял меня за плечи:

— Я тоже очень надеюсь, что с Корумом больше ничего не случится.

Но это объятие походило скорее на холодную угрозу, чем на проявление заботы. С этого дня он меня начал кошмарить. Но он сразу востонавливал мою кожу что бы следов не было. Итак он будет делать почти каждый день, за любое слово, любой вопрос к Отцу

С первым лучом нового дня Отец выглядел иначе. В его обычно сдержанной, величественной фигуре явственно затеплилось редкое, особенное вдохновение.

— Что происходит? — безэмоционально спросил я, наблюдая за его неторопливыми, но исполненными глубокого смысла приготовлениями.

Отец плавно обернулся. В его глазах сиял мягкий созидательный свет:

— Нынче великий день, сын мой, — ровно и весомо произнёс он, и в его голосе прозвучало сокровенное умиротворение. — Сегодня в этот мир придут новые живые существа. Каждый раз, когда тишина наполняется дыханием жизни... это приносит великую радость.

«Как странно, — подумал я. — Его это радует... А чему радуюсь я?»

Я не знал ответа. Но каждая беседа с Отцом порождала во мне лавину вопросов, на которые он всегда терпеливо отвечал. Пожалуй, если бы я не был так пуст внутри, эти разговоры приносили бы мне настоящее счастье.

Спустя пару часов Отец позвал нас к себе. Незадолго до этого он сотворил для нас обитель — «дом», как он сам её назвал. Хотя, на наш с Мельниром взгляд, это строение куда больше походило на замок: не слишком исполинский, но и малым его назвать было нельзя.

Отец стоял возле своего трона, а мы с братом послушно замерли по обе стороны от него. На каменных плитах ровным рядом лежали восемь пустых манекенов. Создатель предупредил: если что-то пойдёт не так, нам придётся помочь ему сдержать потоки силы. Мы молча кивнули.

И он начал.

Отец медленно прикрыл глаза, и из его ладоней во все стороны хлынули сияющие золотые частицы. Закружившись в воздухе, они устремились прямиком к безжизненным деревянным фигурам. Энергия Созидания окутала их плотным коконом, проникая в самую суть, и тронный зал наполнился гулким, пульсирующим сиянием.

Вспышка на мгновение ослепила нас. А когда свет рассеялся, перед нами стояли они. Отцу удалось вдохнуть в них жизнь.

Творец неторопливо сошёл с помоста. В каждом его шаге сквозила древняя сила, а взгляд был полон спокойного внимания.

—приветствую вас! – громко и властно сказал создатель —не бойтесь , я вам не враг, я ваш создатель. Я вас создал что бы вы наделали этот мир своими красками. У вас пока нет имен, но я вам их дарю,и вашу сил

И Он принялся наделять перворождённых стихиями и даровать им имена.

Сначала Отец подошёл к рогатому исполину:

— Ты — Мастер Огня. Твоё имя...

Но рогатый неожиданно перебил Творца, гордо вскинув голову:

— Прости меня, Создатель! Я желаю зваться Гриздавальд. Пускай это имя для одних звучит первобытным ужасом, а в сердца других вселяет несокрушимую храбрость!

Отец замер, вглядываясь в пылающий взор создания. В его глазах не промелькнуло ни тени гнева — лишь мудрая улыбка мастера, видящего, как в творении пробуждается собственная воля.

— Да будет так, Гриздавальд, — ровно и благосклонно молвил Отец. — Ты сам избрал свой пламенный путь.

Затем он повернулся к синекожей деве, от которой веяло прохладой и глубоким умиротворением:— Ты — Мастер Воды. Твоя суть будет течь и меняться, подобно неукротимым

рекам.

Она мягко склонила голову, с трепетом пробуя новое слово:

— Вода... В этом есть покой.

— В своей стихии ты всегда обретёшь гармонию, — с глубокой теплотой

отозвался Творец. — Отныне твоё имя — Имриэл.

Следом Отец обратил взор на самого низкорослого из них:

— Ты, мой друг, хоть и мал ростом, но будешь наделён несокрушимой мощью. Твоя стихия — Земля. Ты станешь править твердью, воздвигать непоколебимые горы и повелевать недрами мира.

Маленький воин уважительно склонил голову:

— Благодарю, Творец, — неожиданно густым, глубоким басом отозвался он. Затем робко взглянул на Отца и указал пальцем на старца с пышной сединой: — Не мог бы ты даровать мне нечто... похожее на то, что украшает лик этого мудрого мужа?

На лице Отца проступила добрая улыбка:

— Желание твоё просто, но исполнено достоинства. Отныне твоё имя — Гимлин.

Отец плавно поднял ладонь. С его пальцев сорвался сноп тёплых янтарных искр. Они окутали подбородок Гимлина, сплетаясь в густые, плотные пряди. Спустя мгновение карлик уже с благоговением поглаживал роскошную окладистую бороду. Глаза его вспыхнули такой искренней радостью, что он с величайшим почтением поклонился Творцу, едва сдерживая порыв заключить его в крепкие объятия.

Очередь дошла до самого высокого — статного воина с длинными заострёнными ушами.

— Ты будешь зваться Леголан, — провозгласил Отец, и голос его раскатился под сводами. — Твоя стихия — Воздух. Отныне ты сможешь повелевать ветрами так, как направит тебя твой разум.

Леголан молча и грациозно опустился на одно колено:

— Благодарю тебя, Создатель.

Отец принял этот жест со спокойным достоинством и взмахом руки велел ему подняться:

— Твоя верность — лучший дар, Леголан.

Следующей была представительница той же расы, что и сам Отец... Дерушка? Нет, девушка. Девушка! «Об этом ты точно должен был помнить, Корум», — мысленно упрекнул я сам себя.

— Ты — Мастер Льда, — обратился к ней Отец. — Я верю, что ты научишься...

Но договорить он не успел. Она без тени робости перебила его, решительно шагнув вперёд:

— Прошу прощения, Создатель, но я не просто научусь — я абсолютно уверена в своих силах! Более того, я чувствую, что способна принести колоссальную пользу. Вам ведь наверняка пригодится помощь в замыслах на будущее? Рассчитать, организовать, упорядочить — положитесь на меня, всё будет исполнено в лучшем виде!

Она тараторила столь стремительно, что ошеломила всех присутствующих. Даже таинственный воин в глухих доспехах впервые за всё время слегка повернулшлем в её сторону.

Отец лишь тихо вздохнул с едва заметной мудрой усмешкой — словно родитель, видящий неукротимый нрав своего чада насквозь:

— Твой ум столь же остер, как и стихия, что досталась тебе. Что ж... Отныне твоё имя — Эйра.

Подойдя к шестой — крылатой деве, Отец торжественно провозгласил:

— Ты — Мастер Света. Твоё предназначение — озарять путь тем, кто заблудится во тьме или в собственных сомнениях.

Она смиренно склонила голову:

— Для меня великая честь — служить этому миру. Я сделаю всё, чтобы принести тепло в каждое сердце.

Её голос звучал невероятно мягко и ласково. Странно... но даже я, со своей всепоглощающей пустотой, ощутил этот отклик. Или мне просто на миг отчаянно захотелось почувствовать хоть что-то?

— Твоё имя — Лайнара, — с отеческой теплотой произнёс Создатель, и дева благодарно поклонилась.

Затем Отец перевёл спокойный взгляд на старца с длинной седой бородой:

— Теперь ты, мудрец. Ты — Мастер Времени. Твой лик неслучайно несёт на себе печать былых и грядущих эпох. Время требует невозмутимого покоя и зрелого разума.

Старик сдержанно улыбнулся — без тени сожаления о столь почтенном облике, ибо с первой же секунды постиг замысел Творца:

— Мой облик безупречен, Создатель. Времени пристала мудрость веков.

— В таком случае... отныне твоё имя — Эон.

Наконец Отец остановился перед последним, восьмым воителем, закованным в глухие, непроницаемые латы:

— Ты — Мастер Тьмы. Пусть облик твой внушает трепет, но без ночи не бывает дня. Порой тень — единственное прибежище, где мир может обрести долгожданный покой.

Воин молча склонил забрало. А затем из-под глухой стали прозвучал низкий, глухой голос:

— Создатель... я не желаю принимать имя.

Отец замер, вглядываясь в тёмный силуэт с весомым вниманием:

— Почему ты отвергаешь мой дар?

— Я чувствую: когда этот мир наполнится жизнью и смертные существа узрят меня, едва ли в мою сторону обратятся добрые слова. Тьму всегда будут винить во всех страхах и бедах. Пусть же у этого всеобщего страха не будет имени.

На лице Отца отразилась вековая печаль. Он не стал спорить, понимая, какую тяжёлую ношу добровольно возложил на свои плечи перворождённый. Творец подошёл ближе и опустил тяжёлую тёплую ладонь на его стальной наплечник:

— Да будет так. Ты вправе остаться безымянным. Но знай: я сделаю всё, чтобы этот мир понял твою истинную суть. Ибо я знаю, что за этой тенью нет злого умысла.

Отец выпрямился, окинув Восьмерых царственным взглядом:

— Теперь, когда вы обрели себя...В этот миг Мельнир нерешительно шагнул вперёд и тронул Отца за край

ниспадающего плаща:

— Отец...

Творец плавно обернулся к младшему сыну:

— Что тревожит тебя, Мельнир?

— Я бы хотел поговорить с ними поближе, — негромко признался брат, жадно разглядывая перворождённых.

Лицо Отца смягчилось:

— Доброе слово — лучший залог единства. Вы не против разделить беседу с моим сыном?

Мастера почтительно кивнули Творцу.

— Познавайте друг друга, — подытожил Создатель.

Мельнир тут же устремился к стихийным повелителям и принялся воодушевлённо рассказывать им о собственной янтарной магии, стремясь целиком завладеть их вниманием.

Я же просто подошёл к безмолвному воину в доспехах и остановился рядом. И стал смотреть на него. А он — на меня.

Мы стояли так очень долго. Я мысленно погружался в непроглядную черноту под его забралом — там клубился такой густой мрак, что разглядеть черты было невозможно. Мне чудилось, что в этот же миг он точно так же вглядывается в мою внутреннюю пустоту.

Наконец из-под шлема раздался его ровный, глухой голос:

— Я могу вам чем-то помочь, ваше высочество?

— Почему ты называешь меня «ваше высочество»? — спросил я в ответ.

Воин слегка повернул голову в сторону трона:

— Создатель сотворил этот мир, он — владыка Фархолта. А вы — его сын, принц этих земель. Как и ваш брат.

Я медленно кивнул, укладывая в голове новые понятия:

— Теперь понятно.

— Так я могу быть вам полезен?

Я задумался. Чем он мог мне помочь? Этот воин только что открыл глаза, но уже выказывал участие. Или это было лишь холодной учтивостью?

— Нет, ничем, — ответил я тихо. — Я просто смотрю на тебя.

Рыцарь выдержал долгую паузу, словно прислушиваясь к биению чего-то невидимого в моей груди, а затем произнёс:

— Я чувствую в вас то же, что живёт во мне, принц. Тишину. Но тишина — это не всегда пустота. Порой это просто затянувшееся ожидание.

Его слова странным эхом отозвались внутри, заставив что-то едва заметно дрогнуть. Его взгляда по-прежнему не было видно во тьме шлема. Но мы продолжали стоять друг напротив друга, пытаясь разглядеть сокрытую суть сквозь разделявший нас мрак.

-Я думаю что ты можешь мне оказать услугу. – рыцарь слушал меня внимательно – пообещай мне, что найдешь способ связаться со мной. А то думаю вы удйете очень скоро – рыцарь задумался и ответил – раз я мастер тьмы, то думаю мне подвластны и тени всего фархолта. Вам лишь надо взглянуть в саму тьму и я вас услышу. Да, ваше высочество, я обещаю вам, что свяжусь и мы обезвтельно будем разговаривать, сколько захотите. Или же просто смотреть на нашу пустоту

Вскоре Отец и Мастера удалились в малую залу замка, чтобы продолжить совет за закрытыми дверями. Мы с братом остались ждать в просторном тронном зале.

Разговор затягивался на долгие часы.— И о чём ты так долго шептался с этим рыцарем? — нарушил молчание

Мельнир. В его голосе сквозила неприкрытая ревность.

— Мы просто смотрели друг на друга. Вот и всё, — спокойно отозвался я.

— Пф, просто смотрели? — брат насмешливо фыркнул. — Ты наверняка смертно наскучил ему своим вечным молчанием.

Я покачал головой:

— Нет. Он смотрел в ответ. Мы пытались разглядеть тьму друг в друге. Хотя в нём её, пожалуй, всё же больше.

Мельнир демонстративно вздернул нос:

— Нашёл себе собеседника! Скучный он и жуткий.

— Ты ошибаешься, Мельнир. Он невероятный, если научиться его слышать. И совсем не жуткий... Скорее, пугающе интересный.

Брат лишь раздражённо выдохнул и отвернулся к стене, сделав вид, будто меня здесь нет.

Створки наконец распахнулись. Мельнир в ту же секунду сорвался с места и подбежал к Отцу, осыпая его нетерпеливыми расспросами. Я молча шёл позади, держась на привычном отдалении.

— Всё складывается так, как я предполагал, — раздался ровный голос у самого моего уха.

Я повернул голову. Безымянный рыцарь Тьмы бесшумно шагал вровень со мной.

— Скоро здесь появятся другие существа. Мы обсуждали именно это.

— И к чему вы пришли? — спросил я.

Он молча указал стальной перчаткой на шедшего во главе Создателя:

— Отец сейчас сам всё объявит.

Мы вышли из врат на широкую замковую площадь. Мастера выстроились полукругом и замерли в благоговейном ожидании.

Создатель медленно простёр ладонь вперед, и из оранжевого сияния соткался клинок, чей образ навсегда врезался мне в память.

Симзар. Великий меч Отца.

Его безупречное янтарное лезвие испускало плотный, ровный свет, а вдоль дола пульсировали древние руны. Эфес Симзара был отлит из благородного темного металла и усыпан редчайшими самоцветами, вспыхивавшими в такт дыханию Творца. Одно лишь присутствие этого оружия сотрясало воздух первозданной мощью.

Отец перехватил рукоять обеими руками и с глухим металлическим звоном вонзил клинок глубоко в твердь площади.

Раздался сокрушительный треск. От острия во все стороны брызнули снопы оранжевых искр, и по древнему камню Фархолта с гулом побежали исполинские трещины, расколовшие континент ровно на восемь сторон.

— С этого дня вы разделите мои владения и положите начало собственным королевствам, где будете полноправными правителями, — торжественно возвестил Создатель. — Каждый из вас сотворит народ, который пойдёт за вами, и вместе вы обустроите этот мир для жизни. Встаньте на эти восемь линий — разломы укажут путь к вашим новым землям.

Мастера беспрекословно повиновались, заняв места у начала каждой трещины.— А теперь идите, — напутствовал их Отец. — У вас есть ровно один год, чтобы воздвигнуть первые твердыни. Когда этот срок истечёт, возвращайтесь к этому клинку и поведайте мне о плодах своих трудов.

Процессия тронулась. Властители стихий один за другим зашагали по расколотой земле, удаляясь от замка. Безымянный рыцарь Тьмы ступил на свой путь последним. Перед тем как исчезнуть за горизонтом, он на долю мгновения повернул шлем ко мне, словно скрепляя негласное обещание. Вскоре силуэты всех восьмерых растворились вдали.

Мельнир недоуменно нахмурился, глядя на опустевшие просторы:

— Зачем, Отец? Ты ведь всемогущ. Ты мог бы выстроить идеальный мир сам, одним движением руки!

Создатель опустил взор на рукоять Симзара, глубоко ушедшего в землю:

— Да, мой мальчик, я мог бы выстроить всё своими руками. Но мир, рождённый

волей лишь одного существа, навсегда останется статичным и предсказуемым. Я желаю видеть, как они будут ошибаться, как станут искать свой путь и творить то, до чего никогда не додумался бы мой собственный разум.
Отец посмотрел на раскинувшиеся бескрайние дали:
— Абсолютный контроль — это оковы для созидания, Мельнир. Истинная сила Творца не в том, чтобы подчинять каждый вздох, а в смелости даровать свободу тем, кого ты призвал из небытия.
Он помолчал, а затем с тихой теплотой взглянул на нас обоих:
— А эта центральная земля останется нашей. Здесь мы воздвигнем свой общий дом. Вместе.
Мельнир воодушевлённо закивал, загораясь замыслами грандиозных чертежей и светлых башен.
Я же молча стоял поодаль, глядя на расколотую мечом твердь. Во мне не зародилось ни страха, ни зависти. Лишь проснулось иное чувство — холодное, невозмутимое любопытство исследователя.
«Вместе?..» — мысленно повторил я.
Мне было по-настоящему интересно: если мы втроём начнём возводить это королевство, впитают ли эти новые камни затаённую злобу Мельнира? Отравит ли его ревность ту почву, на которой мы станем трудиться бок о бок? Или вся его ненависть так и останется направлена лишь в меня, медленно пожирая нашу семью изнутри?

АКТ 3.
РОЖДЕНИЕ МОНСТРА

За это время произошло много всего. Мы начали возводить и своё собственное, центральное королевство. Пока что здесь было пусто и безмолвно, но Отец уверял, что со временем эти земли наполнятся жителями, которые придут из всех восьми внешних королевств.
Наш Создатель не сидел сложа руки. Он продолжал творить, экспериментируя с новыми формами жизни. Из-под его рук выходили самые разные существа, и однажды он создал совершенно новую расу.
Орки.
До их появления в Фархолте жили только люди — так назвал первых созданий Отец. Орки же отличались от них: они были немного выше, гораздо массивнее и сильнее, но при этом оставались удивительно дружелюбными. Мельнир, конечно, при Отце восхищался каждым его творением, всячески подлизываясь и ища одобрения. Но как только Создатель отворачивался, брат брезгливо шептал мне: «Они же просто уродцы, Корум. Смотреть противно».
Он продолжал исходить завистью и злобой в мой адрес, цепляя меня по любому поводу, но мне, как и всегда, было абсолютно всё равно на его нападки.
За этот год Мельнир заметно окреп. Он без конца тренировался, хвастаясь своей янтарной магией перед Отцом и демонстрируя новые трюки. А я?
А у меня по-прежнему ничего не изменилось.
С Безымянным рыцарем я за весь этот год так ни разу и не связался. Мысли об этом приходили мне в голову, но я сразу отбрасывал их — зачем? Какой в этом смысл? Я просто бродил по замку и строящимся угодьям, бесцельно прожигая часы. Магии во мне нет, чувств тоже. Что ещё мне оставалось делать? Не знаю. Мне было всё равно.
Тем временем Отец, которого я теперь тоже послушно называл так, вовсю

готовился к долгожданной встрече с новыми королями. Срок истекал. Приближался день, когда Мастера должны были вернуться в замок и показать, что они создали... И всё же, несмотря на всю суету и подготовку, Отец никогда обо мне не забывал. Как бы мало времени у него ни было, он всегда находил свободную минуту, чтобы просто посидеть со мной рядом, поговорить о пустяках или молча посмотреть на строящиеся башни. Эти редкие мгновения были самыми спокойными за весь год.

Но время неумолимо шло.

Наступила ночь. До возвращения Мастеров оставалось всего три дня. Замок погрузился в глубокий сон, а я сидел в своей тёмной комнате, куда не проникал свет луны.

Именно тогда я и решился. Наверное, ожидание великих перемен наконец всколыхнуло мою пустоту.

Я подошёл к самому тёмному углу покоев, туда, где тени сгущались так плотно, что казались осязаемыми. Я вспомнил те далёкие слова Безымянного рыцаря: «Просто ищи меня в темноте».

И я стал искать. Я долго, безумно долго смотрел во тьму.Мои глаза привыкли к отсутствию света, но я всматривался ещё глубже, пытаясь разглядеть суть за этой чёрной пеленой. Сначала ничего не происходило. Было слышно лишь моё ровное дыхание. Но я не сдавался. Я продолжал смотреть, мысленно проваливаясь в эту бездну, как тогда, у трона, когда мы безмолвно созерцали пустоту друг друга.

Прошла, кажется, целая вечность. И вдруг... темнота в углу отозвалась звуком. Раздался глухой лязг брони.

Из этой непроглядной мглы до меня донёсся знакомый, глухой и спокойный голос, зазвучавший прямо в моей голове:

— Ты заставил меня ждать целый год, ваше высочество...

Я отчётливо слышал его голос, но самого рыцаря во мгле так и не увидел.

— И не ищи, — негромко произнёс он, угадав моё движение. — Я могу лишь говорить с тобой.

Испытывай я хоть какие-то эмоции, я бы, наверное, удивился. Но внутри было привычно пусто.

— Может, расскажешь, почему ты заставил меня ждать так долго? — спокойно спросил рыцарь. Его голос звучал точно так же, как и в нашу первую встречу — глухо, ровно и неторопливо.

— Не знаю, — ответил я в пустоту угла. — Наверное, забыл. Или был занят своими делами.

Невидимый собеседник тихо вздохнул, будто именно такого ответа от меня и ожидал.

— Что ж... Рад, что ты всё-таки связался со мной. Может, у тебя есть ко мне какие-то вопросы?

На самом деле вопросов у меня не было. Мне по-прежнему было всё равно. Но ради вежливости — кажется, именно так Отец называл это слово, — я решил спросить:

— Как твоё королевство?

— С ним всё в порядке, — отозвался рыцарь. — Пришлось, конечно, повозиться, чтобы отыскать подходящий уголок на той земле, что выделил мне Создатель, и воздвигнуть там королевство тьмы.

— И какое оно? — мне действительно стало любопытно.

— Там повсюду темнота. Но в этой тьме царит лишь умиротворение, а не страх. Мои жители совсем не против такого уклада.

Я замолчал, пытаясь представить себе это место. Мир, погружённый в вечный, ласковый полумрак, где нет места тревогам и слепящему свету. В этом было что-то... правильное.

— Хм, ты так легко представляешь себе это умиротворение, — снова раздался из угла тихий, бархатный голос рыцаря. — Впрочем, удивляться нечему. Тьма — это ведь не просто отсутствие света, Корум. Это абсолютный покой. В ней нет лжи, фальши, нет бесконечной суеты. В ней ты остаёшься настоящим.

Я чуть кивнул, соглашаясь с его словами.

— А ты? — невидимый рыцарь сделал паузу, и мне показалось, будто его незримый взгляд сквозь тени уставился прямо мне в грудь. — Каково твоё место в этом новом мире, принц? Мельнир уже вовсю творит заклинания и возводит стены с помощью янтарной магии. А твоя сила... она проснулась?

Я облокотился о холодную каменную стену и спокойно пожал плечами:— Во мне всё так же ничего нет, — ответил я ровно. — Ни магии, ни чувств, ни желания созидать. Я просто брожу по замку. Отец относится ко мне так же, как и всегда, да и Мельниру он не давал больше, чем мне. Просто во мне пока пусто. Но мне всё равно.

В углу комнаты на секунду повисла звенящая тишина. А затем из глубины теней донёсся короткий, едва слышный смешок. В нём не было издёвки — только странная, глубокая мудрость.

— Пусто... — переспросил рыцарь, и в его голосе проскользнули пророческие нотки. — Нет, Корум. Пустота — это не отсутствие силы. Пустота — это огромный сосуд, который просто ждёт своего часа. Чтобы сотворить из ничего что-то новое, нужна одна магия. Но чтобы в мире сохранялся баланс... кто-то должен иметь силу всё стирать. Твоё время ещё придёт.

На этом наш разговор закончился. Его голос больше не звучал, а тень в углу снова стала обычной темнотой.

Я остался сидеть в тишине. За окном постепенно брезжил рассвет — наступал тот самый день, когда в центральное королевство должны были прибыть правители восьми земель. Они уже были в пути.

Эти два дня стали самыми нагруженными и суматошными для Отца и Мельнира. Они без устали готовились к приезду гостей, создавая множество вещей, чтобы достойно встретить королей и их свиту.

Это грандиозное событие они назвали Пиром Созидания.

Остальной народ — первые жители, созданные Отцом, — тоже вовсю готовился к празднику. Вся центральная площадь и улицы превратились в шумный улей. Люди спешно возводили деревянные и каменные лавки, раскладывая на них, по моему мнению, абсолютные безделушки.

Они продавали и обменивали всё подряд: странные блестящие камни, примитивные украшения, выкованные доспехи, ткани и кучу другого бесполезного хлама.

Мельнир гордо ходил между рядами, раздавая указания и упиваясь собственной важностью. Отец же с тёплой улыбкой наблюдал за тем, как оживают эти земли.

А я просто стоял в стороне, скользя холодным взглядом по этой суете. Зачем плодить столько вещей? Зачем тратить силы на то, что всё равно не имеет вечной ценности? Вокруг кипела жизнь, шум и праздник, но внутри меня всё так же царствовала абсолютная, нерушимая тишина...

И всё же слова Безымянного рыцаря заставили меня задуматься. А вправду ли я пуст так, как привык о себе думать? Что, если эта тишина внутри — не отсутствие всего, а нечто совсем иное?

С этими мыслями я вышел из замка.

Впервые за долгое время. С тех пор как правители разъехались по своим землям, а Отец с Мельниром погрузились в стройку, я почти не покидал стены своих покоев. Замок был моим укрытием от внешнего мира, но сегодня почему-то всё изменилось. Навязчивый вопрос в голове не давал покоя, и я решил сделать шаг наружу.

Я вышел на свежий воздух. Яркий солнечный свет и непривычный шум разом обрушились на меня. До праздника оставалось совсем немного, и жизнь за стенами крепости кипела вовсю. Вокруг суетились люди, орки, мастера — все они смеялись, спорили, таскали тяжести и готовились к Великому Торжеству.

Я медленно шёл среди этой суеты, тенью скользя между шумными торговыми рядами. Никто из них даже не подозревал, о чём думает молчаливый старшийпринц, проходящий мимо...

Отец не раз предлагал мне выйти вместе с ним и попытаться создать хоть что-нибудь. Но каждый раз из этого абсолютно ничего не выходило. Именно поэтому я и перестал покидать замок.

«В чём смысл?» — спросил я как-то Отца после очередной неудачи.

На этот вопрос он ответил не сразу. Посмотрев на меня с теплотой, Отец мягко произнёс:

— Даже если сейчас это кажется бесполезным, Корум... я верю, что однажды ты сможешь.

«Как глупо», — подумал я тогда. Но почему-то всё равно сохранил эти слова в памяти.

И вот теперь, вспоминая тот разговор и недавнюю ночную беседу с Безымянным рыцарем, я шёл по улицам. На перекрёстке дорог росло одинокое дерево. Оно было не слишком большим, но и не маленьким — чуть выше крыш аккуратных домиков, в которых ютились первые жители. Я подошёл к нему и сел в прохладную тень, опёршись спиной о ствол.

Я просто сидел и размышлял о словах рыцаря про пустоту, как вдруг чья-то тень заслонила и без того скудный свет.

Я поднял взгляд. Передо мной стоял орк. Точнее, совсем ещё маленький ребёнок-орк, который даже не успел осознать, насколько огромен и сложен этот мир. В своих крохотных ручках он крепко сжимал несколько плотных листов бумаги.

Но больше всего меня удивил его цвет. Он был ярко-красным. Прежде Отец создавал только зелёных и серых орков — таких красных я не видел ещё никогда.

Малыш молча стоял перед диковинным принцем и разглядывал меня своими большими, чистыми глазами.

— Кто ты? Чего ты хочешь от меня? — ровно и без единой эмоции спросил я.

— Я подумал, что тебе скучно... — тихим, детским голосом произнёс он, переминаясь с ноги на ногу. — И поэтому решил прийти и дать тебе несколько моих листов.

Я равнодушно посмотрел на плотную бумагу в его руках.

— Зачем? — отозвался я так же сухо. — У меня всё равно нет того, чем можно рисовать.

— Я тебе отдам! Если надо... — пробормотал малыш всё тем же нерешительным голосом.

Он опустил голову и смотрел себе под ноги, сжимая листы немного сильнее.

— Ладно, неси, если хочешь, — вздохнул я.

В конце концов, передо мной был лишь ребёнок. Он ещё даже не понимал, кто я такой и какова моя роль в этом мире. А отказывать ему и слушать потом детские слезы мне совершенно не хотелось.

Но как только эти слова сорвались с моих губ, в глазах малыша вспыхнул чистый восторг.

— Д-да! С-сейчас принесу! — заикаясь от нахлынувшей радости, выкрикнул орчонок и сжал кулачки.

Он развернулся и со всех ног помчался прочь. Я посмотрел ему вслед.«Как же легко обрадовать настолько маленькое существо», — подумал я, снова

откидываясь на ствол дерева.

Спустя пару минут малыш прибежал обратно. В его ладонях пересыпались небольшие, гладкие камушки. Как оказалось, ими можно было рисовать, словно мелками. Зелёный, оранжевый, красный, жёлтый... и фиолетовый.

Набор с самого начала показался мне странным, но ребёнок гордо протянул их мне.

— Вот, держи! Оставь себе. Мне мама купит новые, — с радостной улыбкой ответил малыш.

— Мама?.. — переспросил я. — Кто это?

Орчонок удивлённо хлопнул глазами и искренне спросил:

— У тебя нет мамы?..

В этот момент к дереву подбежала взрослая орчиха — видимо, та самая «мама». Едва взглянув на меня, она мгновенно узнала принца. В её глазах вспыхнул дикий, неуправляемый ужас, а лицо перекосилось от испуга.

— О-о, ваше высочество... — заикаясь и едва дыша, выдавила она. — Как... как приятно вас видеть...

По её дрожащему голосу всё стало понятно без слов. Мельнир явно успел наплести обо мне кучу лжи, выставив меня в глазах жителей настоящим чудовищем.

Она быстро схватила малыша за руку и увела его прочь, а я остался сидеть в тени дерева. Один.

С несколькими листами чистой бумаги и яркими цветными камушками в руках. Делать всё равно было нечего. Покрутив в пальцах гладкие камушки, я положил перед собой первый лист и провёл по нему яркую линию.

Я рисовал долго. Не умея создавать красивые образы, я просто выводил хаотичные линии, узоры и странные каракули, смешивая зелёный, жёлтый и фиолетовый. В этом не было никакого великого смысла, но сам процесс... он почему-то приносил странное, непривычное удовольствие.

Наигравшись с цветами, я огляделся и заметил в пыли у моих ног небольшой кусочек прогоревшего уголька. Он был абсолютно чёрным.

Я взял его пальцами, подтянул к себе второй чистый лист и замер.

Пустота — это чёрный цвет. Тьма, в которой нет лжи и суеты. Подумав о словах Безымянного рыцаря, я прижал уголёк к бумаге и начал рисовать.

На этот раз это были не случайные штрихи. Слой за слоем, тёмными угловатыми линиями я выводил на белом листе свой собственный силуэт...

На бумаге прорисовывался мой силуэт — абсолютно чёрный, сплошной, без

единого просвета. Словно сама пустота, принявшая форму тела.
Посмотрев на тёмную фигуру, я взял цветные камушки и решил поэкспериментировать. А каким я был бы, будь во мне зелёный цвет? А жёлтый? Я добавлял яркие штрихи поверх чёрного угля, пытаясь понять, как эти цвета уживаются с моей тьмой.
Параллельно я наблюдал за разными существами. Они проходили мимо, разговаривали, смеялись, грустили.
Вдруг я заметил странную картину. Совсем юный орк в страхе убегал, а за ним гнался старый человек и яростно кричал:— Будь ты проклят! Вороватое отродье!
Орк поскользнулся и упал. Старик с зажатым в руках железным прутом навис над ним с угрозой:
— Я отучу тебя красть!
Он уже замахнулся, чтобы ударить лежачего.
— Стойте, — произнёс я, и мой ровный голос заставил их замереть. — Вы серьёзно собираетесь прямо тут избивать его?
Старик, тяжело дыша от ярости, обернулся ко мне:
— А кто ты такой, чтобы указывать мне?! Эта тварь, — он ткнул пальцем в зелёного орчонка, — украла мой хлеб, не заплатив за него!
Орк испуганным, дрожащим голосом попытался оправдаться:
— Я н-не хотел... П-просто у нас совсем нет д-денег...
Но старик даже не слушал его. Меня поразило другое: горожане равнодушно проходили мимо, даже не думая вступиться за слабого; напротив, многие поддакивали и сыпали бранью в адрес орка.
— Вы не хотите слушать его, — заметил я. Старик недоумённо уставился на меня. — Он мог бы отработать у вас этот злополучный хлеб. Разве вы не подумали об этом?
Старик замялся на секунду.
— Я надеялся, вы проявите больше ума, — добавил я.
Гнев торговца утих. Он опустил прут и посмотрел на орка:
— Мог бы сразу предложить отработать, а не воровать.
Зелёный орчонок, едва сдерживая слёзы, судорожно закивал.
— Ладно, — буркнул старик. — Завтра приходи ко мне в пекарню, найдётся для тебя дело. Буду давать тебе свежий хлеб, а может, и пару монет, если покажешь себя толковым работником.
Он протянул руку и помог подняться зелёному орку.
— С-спасибо! Я всё отработаю! — выдохнул парнишка и с искренней благодарностью взглянул на меня, после чего поспешил прочь.
Старик остался стоять, задумчиво разглядывая свой прут. Я вернулся к рисункам, начав зарисовывать пекаря и орчонка — эта сцена надолго врезалась мне в память.
За этим занятием я не сразу заметил, как чья-то шагающая фигура приблизилась ко мне. Я приметил её боковым зрением, но до последнего не был уверен, кто это.
— Так-так, кто тут у нас?.. — раздался громкий, уверенный голос.
Мельнир замер, разглядев меня, и на его лице мгновенно отразился шок.
— Ты?! — вскричал он, всплеснув руками. — Что ты тут делаешь?! Хочешь всё испортить?!
Я спокойно покачал головой, не поднимая шума:
— Нет, я просто...

— Нет! — жёстко перебил он меня, даже не дослушав. — Я знаю тебя насквозь! У тебя ничего не получится, ты только всё испортишь!Внезапно его взгляд опустился вниз, на землю у моих ног. На разложенные

листы бумаги, измазанные углём пальцы и цветные камушки. Мельнир осёкся.

Его спесь мгновенно испарилась, уступив место полнейшему замешательству.

— Ты... — запнулся он, нахмурившись. — Ты просто рисуешь?..

— Я это и пытался сказать тебе, — ровно ответил я, глядя на него снизу вверх. — Ты чего так занервничал? Начал верить в собственные слухи?

Лицо Мельнира мгновенно изменилось. Он резко нагнулся, выхватив мои рисунки прямо из-под рук, и уставился на них. Брат изо всех сил пытался сохранить маску полного безразличия, делая вид, что ему всё равно, но я отчётливо видел его глаза. В них кипела настоящая, слепая ярость.

Напряжённые пальцы сжались на бумаге. Раздался треск — и с диким ожесточением Мельнир разорвал мои рисунки на мелкие клочки, бросив их в пыль.

— Что?! — прошипел он, едва сдерживая крик. — Хочешь казаться живым?! ТЫ ВСЕГДА БУДЕШЬ ПУСТ, ЖАЛКОЕ ПОРОЖДЕНИЕ ОШИБКИ!

Я посмотрел на него. Он не выдержал моего взгляда и ушёл.

После этого я поднялся и вернулся в замок.

Отец уже ждал меня в прохладном высоком зале. Едва я переступил порог, его строгое лицо мягко преобразилось, и на нём расцвела тёплая, спокойная улыбка:

— Я слышал, ты сегодня рисовал? Ну и как тебе?

Я лишь привычно пожал плечами:

— Лучше, чем ничего.

Но на самом деле... мне это нравилось. Намного больше, чем просто бесцельно

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.